

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Е.И.Алещенко

Волгоград, Россия

Summary: In the present article some aspects are considered of functioning of fantastic texts as well as the question of their authorship and the concept of the collective language person. Features of its display are analyzed in a folklore genre such as the fairy tale, from the point of view of socialization as a necessary condition for transformation of the individual into a language person.

Как явление фольклора язык сказки обладает такими общефольклорными признаками, как коллективность, устность бытования, традиционность, анонимность. Как следствие – сказочный текст варьируется. Каждый рассказчик, как правило, сообщает новый вариант сюжета. В вариантах совпадают идея, общая схема сюжета, повторяются общие мотивы, однако в частностях они не совпадают. Идеино-художественная ценность варианта зависит от многих причин: от знания сказочных традиций, от личного опыта, одаренности, особенностей психологического склада рассказчика и т.д. [Русское народное поэтическое творчество 1986: 136].

Существование сказки представляет собой непрерывный речетворческий процесс, в каждую новую эпоху не только ее сюжет может частично или полностью обновляться, но в языке сказки появляются лексические единицы, которые являются отражением тех или иных особенностей менталитета или эпохи. В сказке выделяются постоянные языковые структуры, сложившиеся в результате ее традиционности, и переменные, возникшие в результате многократных пересказов. Судя по записям русских сказок XVIII-XX вв., постоянными величинами можно считать идейную направленность сказки, ее композицию, функцию действующих лиц, переменными – структуры языка, а точнее, речи, связанные с индивидуальностью сказителя. Тем не менее, язык сказки обуславливает наличие у нее совокупности таких признаков, как повествовательность и сюжетность, установка на вымысел и назидательность, особая форма повествования.

Под устной языковой культурой ученые-фольклористы понимают «совокупность коллективных и индивидуальных устных текстов, а также

способы их функционирования в народной культуре» [Никитина 1993: 5]. При этом коллективные тексты рассматриваются как традиционные, а к индивидуальным относят, прежде всего, речь бытового общения, отмечая, однако, что индивидуальные тексты могут реализовывать традиционные культурные сюжеты (например, пересказы фольклорных произведений, былички и т.п.).

Человеческая культура существует как продукт и необходимое условие развития общества и не мыслится вне его. Человек является творцом культуры, в ней же он живет. В человеке как личности на первый план выходит его социальная природа, сам же он выступает как «субъект социокультурной жизни» [Маслова 2001: 117]. В связи с этим особое значение приобретает понятие языковой личности, так как именно при посредстве языка создается культура, и выражаться она может в большой степени вербальными средствами. Языковая личность формируется в своеобразной системе координат, которая задается существующими у того или иного народа ценностями, образцами социального поведения, особенностями восприятия мира. Все это отображается категориями культуры, к которым могут быть отнесены «пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д.» [Маслова 2001: 118].

В настоящее время понятие языковой личности введено в широкий научный обиход Ю.Н.Карауловым, который под языковой личностью подразумевал человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью». Также Ю.Н.Карауловым была разработана уровневая модель языковой личности с опорой на художественный текст (Караулов 1987). Согласно ей, языковая личность имеет три структурных уровня. Первый из них – вербально-семантический (семантико-структурной, инвариантный) – отражает степень владения обыденным языком. На втором – когнитивном – происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень представляет особый интерес при анализе коллективной языковой личности, которая является автором фольклорных текстов. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. Третий же – высший уровень – именуется прагматическим и включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения [Маслова 2001: 119].

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее, в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю.Н.Караулову). Так, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре эти пороки имеют разную комбинаторику признаков.

Таким образом, как отмечает В.А.Маслова, языковая личность – явление социальное, но имеющее и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных смыслов. При этом языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей [Маслова 2001: 120-121].

Основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая:

а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества;

б) активную речемыслительную деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой;

в) процесс усвоения законов социальной психологии народа.

В.А.Маслова отмечает, что для становления языковой личности особую роль играют второй и третий аспект, так как процесс присвоения той

или иной национальной культуры и формирование социальной психологии народа возможны только при посредстве языка [Маслова 2001: 121].

Если говорить о жанре народной сказки, то особую роль здесь играет коллективная языковая личность, которой принадлежит «авторство» народной сказки, и языковая личность рассказчика. И в этой ситуации первый аспект также играет роль, значение которой трудно преувеличить. В русской народной сказке непременно отражаются общественные отношения, причем с точки зрения народных масс, а не привилегированных классов. Это проявляется в высказываниях героев и рассказчика, касающихся вышестоящих сословий.

– Скажи, пожалуйста, кто лучше – поп, или судья, или из нашего брата, барин?

Мужик думал-думал и говорит:

– **Из попов так половина дураков.**

– Как так?

– **А потому, что иной поп служит-торопится – чего не пропоет!**

– А из судей?

– **Из судей две трети дураков есть.**

– Почему же?

– **А потому что судьи – кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду льют.**

– ... А из нашего брата, из бар?

– **Из вашего брата две трети дураков да треть безумников...**

(«Мужик и барин»)

Очень показательный отрывок, в котором герой выражает недвусмысленное отношение к тем, кто в повседневной жизни находился рядом с ними, но был богаче или, по мнению крестьян, жил гораздо легче, не трудился столь тяжело, как они, кому легко давались деньги. Как видно из приведенного отрывка, основной меркой является понятие «дурак». Причем наименьшее количество «дураков» оказывается среди попов. Их порок заключается в спешке при ведении службы. Снисходительное отношение к подобному греху проявляется и в следующем примере:

*Вот пошли все вместе и держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу – у **попа деньги трудные**, если к купцу – у **купца то же самое**; пойдете-ка к судье, у **судьи деньги не трудные**».*

(«Вор»)

Таким образом, **у попа деньги трудные**, как признают герои сказки. Мнение же о судье, выраженное в обоих отрывках, примерно одинаковое: **у судьи деньги не трудные**, так как он берет взятки, и **кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду льют**. Судья стоит на второй «ступени» выстроенной иерархии, из судей герой «насчитывает» **две трети дураков**. Наибольшее же негативное от-

ношение вызывает, что вполне объяснимо, барин, поскольку именно эта фигура возвышалась над жизнью крестьянина, это был хозяин, который мог судить и рядить, карать и миловать (*Из вашего брата две трети дураков да треть безумников*). В сказке могла выражаться и насмешка над ним, за которую, однако, следует расплата.

«Ну вот, позабыл! Еще в то самое время черт с нашего барина шкуру драл...». Барин хлоп ее по уху: «Что ты бредишь, подлая! Когда черт с меня шкуру драл?» – «Да, таки драл, ей-богу, драл!». Барин рассердился, велел принести розог и заставил при себе ее наказывать.

Растянули ее, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе – и под розгами то же рассказывает.

Барин плюнул и прогнал старика со старухой.

(«Жена-доказчица»)

Как видим, в высказываниях сказочных героев отношение к вышестоящим передается при помощи синтаксических единиц, равных предложению, констатирующего характера (*Из попов так половина дураков; иной поп служит-торопится – чего не пропоет; Из судей две трети дураков есть; судьи – кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду льют; Из вашего брата две трети дураков да треть безумников*). О нраве барина дает представление как его речевая характеристика (*Что ты бредишь, подлая*), так и описание его поведения (*Барин хлоп ее по уху; Барин рассердился, велел принести розог и заставил при себе ее наказывать*). Таким образом, его фигуру как героя сказки представляют текстовые единицы, большие по объему, чем предложение. Это может быть и весь сказочный текст.

Другим ярким проявлением коллективной языковой личности, которое можно отнести, скорее, к третьему аспекту, является отражение в языке сказки психологии народа. Это выражается в использовании, как правило в словах сказителя, высказываний, носящих обобщенный нравоучительный характер. Они напоминают по форме и содержанию пословицы, однако не обладают их регулярностью использования. Таким образом, это своеобразные «афоризмы», не имеющие конкретного автора, однако позволяющие получить яркое впечатление о проявлении коллективной языковой личности в фольклоре.

Это, во-первых, высказывания, касающиеся семейных и бытовых взаимоотношений.

«Двадцать рублей в подать взношу, двадцать – долгу плачу, двадцать – взаимы даю да двадцать за окно кидая»...

... «Долг плачу – отца содержу, взаимы даю – сына кормлю, за окно кидая – дочь питаю».

(«Загадки»)

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься – бита и недовернешься – бита.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется.

(«Морозко»)

А Иван ей:

– Жена мужу не страшна. Мне бы только успеть уму-разуму ее научить.

(«Иван Бесталанный и Елена Премудрая»)

В них отмечаются общепринятые взаимоотношения между супругами (муж главенствует в семье и над женой), между родителями и детьми (о пожилых родителях необходимо заботиться, это долг ребенка; дочь рассматривается как «чужая», так как уйдет в семью мужа, а сын – это будущая опора в старости); между мачехой и падчерицей или пасынком (мачеха не бывает добра к этим детям). При этом подобные высказывания преподносятся как непреложная истина. Этому способствует предваряющая их фраза ***Все знают***, а также параллелизм между природой и человеческими отношениями (***Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется***), что также подчеркивает общеизвестность ситуации, так же, как всем известны и природные явления.

Во-вторых, подобные высказывания, претендующие на афористичность, могут касаться жизненных коллизий вообще.

«Прежде смерти ничего не бойся!» – сказал старик, сам взял ковер и ушел.

«Пробуди, дело разбери, головы не сымаючи!» – сказал старик, взял ковер и ушел.

(«Доброе слово»)

Велика его сила, да и на силу есть пересилок.

(«Безручка»)

Не случайно и сюжет сказки «Доброе слово» основан на том, что совет, который годится на все случаи жизни, дороже денег. Примечательно, что в подобных высказываниях содержится, по сути, совет не спешить, не делать ничего сгоряча и не надеяться лишь на силу. Сказка подчеркивает безошибочность таких суждений и пригодность в любой ситуации. Отсюда и категоричность их звучания.

К подобным высказываниям примыкают, в-третьих, те, что носят метафорический характер и являются своеобразными загадками, иносказаниями. Те признаки предмета, которые фиксируются подобными единицами, уже их отбор также иллюстрирует особенности коллективной языковой личности.

Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умей по перу выдернуть»...

... «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» – ***«Сумел, царь-государь, да еще по золотому!»***

(«Мудрые ответы»)

В приведенном примере бояре не случайно сравниваются с гусями: это говорит не только о том, что они станут добычей героя, но еще и добычей легкой, подобно тому, как легко изловить домашнюю птицу. Богатство же традиционно ассоциируется с золотом, отсюда и золотое перо.

Что касается активной речемыслительной деятельности по заданным эталонам, ее проявляет прежде всего сказитель, внося в сказочный текст свой вклад, который также отражает особенности русской коллективной языковой личности. Особенно ярко это проявляется при наличии нескольких вариантов одной и той же сказки. Если анализировать их, то можно выявить различия не только в сюжете, но и языке каждого варианта.

ЛИТЕРАТУРА

- Русское народное поэтическое творчество 1986 – Русское народное поэтическое творчество. М., 1986.
Никитина 1993 – *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
Маслова 2001 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.

ИСТОЧНИКИ

- Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3-х т. // Народные русские сказки. М., 1984.
Русские народные сказки. М., 1985.
Все ссылки на сказочные тексты даются по этим изданиям.